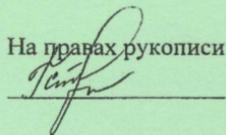

15
К-142

На правах рукописи

КАЗАНЦЕВА Елена Васильевна

**БИБЛИОПСИХОЛОГИЯ Н. А. РУБАКИНА В РАЗВИТИИ
СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЧИТАТЕЛЯ И ЧТЕНИЯ 1920-30-Х ГОДЫ**

Специальность 19.00.01 – «Общая психология, психология личности,
история психологии» (психологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата психологических наук

Ростов-на-Дону

2006

V00a

НПБ им КД Ушинского
РАО

09 - 05695

Работа выполнена на кафедре психологии личности и общей психологии факультета психологии Ростовского государственного университета

Научный руководитель –

доктор философских наук,
профессор
Шкуратов Владимир Александрович

Официальные оппоненты:

доктор педагогических наук,
профессор
Суртаев Василий Яковлевич;

кандидат психологических наук,
доцент
Филатов Филипп Робертович

Ведущая организация -

Самарский государственный педагогический университет

на заседании диссертационного
соискание ученой степени
Ростовском государственном
Дону, пр. М. Нагибина, 13,

библиотеке Ростовского
34006, г. Ростов-на-Дону,

Ташёва

А. И. Ташёва

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Современную социокультурную реальность чаще всего связывают с массмедиа-технологиями, визуальными практиками, новыми способами коммуникации с помощью сети Internet. Тезис о смерти книги как особой социокультурной данности стал обыденным. Однако новая эпоха, создавая все новые и новые способы передачи информации, тем не менее, вынуждена, сохранять ее буквенно-знаковую форму. Отдельные исследователи благодаря деятельности Internet глубоко уверены в возвращении эры Гуттенберга, а также процессу всеобщей текстуализации с помощью цифрового письма [М. Маклюэн, 2003; У. Эко, 1999; Д. Деннет, 2003; Л. Зимина, 2004].

В свете сказанного особый ореол приобретает фигура читателя, и интерес к ней в последние годы стремительно нарастает. Цифровое письмо превращает частное уединение рефлексивного чтения и письма в публичную сеть, где персональной символической структуре угрожает связь с текстуальностью всеобщего выражения. Гипертекст разрушает границы не только между электронными текстами, но и между фигурами писателя и автора, превращая их в единое целое. Основные черты гипертекста: нелинейность, неиерархичность растворяют волю и замысел автора. В целом область электронной письменности возвеличивает фигуру читателя, констатируя его притязания на авторство. Все это значительно поднимает актуальность изучения психологии текста, книги и ее реципиента (читателя).

Возникновение и развитие психологии книги и читателя на рубеже XIX – XX веков было обусловлено процессами модернизации общества. Библиопсихология являлась системным механизмом зарождения массовой книжно-письменной культуры. Теория Библиопсихологии формирует представления о библиотеке как об основном институте образования, о роли кни-

ги как инструменте воздействия, а также о практиках чтения как механизмах «перековки» сознания человека.

Уникальный опыт отечественной науки в изучении читателя и чтения связан с фигурой Н. А. Рубакина [Н. А. Рубакин, 1912, 1898, 1962, 1975]. В мировой литературе не найдется более масштабной доктрины скриптосферы, чем труды выдающегося русского библиотековеда. Интерес к личности Н. А. Рубакина, его научно-просветительской деятельности нисколько не угасает и в современной научной среде [В. Кольцова, 2000; В. Фокеев, 2003]. Однако историко-психологическая оценка места Н. А. Рубакина в развитии отечественной психологии читателя и чтения далека от ясности.

Особый интерес представляет развитие библиопсихологической концепции в советское время, когда практики науки и властных структур являлись единым механизмом. В сферу массовой культуры активно внедрялись политические конструкты нового руководства, в совокупности с идеей библиопсихологии образующие феномен библиотечной психологии. В основную задачу этого руководства входило внедрение политико-авангардистского эксперимента по созданию советской письменной ментальности, или, по мысли Фуко, – «замена воли к власти волей к знанию» [М. Фуко, 1996 а].

1920-30-е годы становятся определяющими для дальнейшего развития знания о психологии читателя и чтения. Этот период является ключевым для понимания, почему библиопсихология не стала классической наукой, а получила статус сомнительной, а затем и вовсе исчезла из пространства советской культуры.

Политические эксперименты советского правительства на книжно-письменном пространстве долгое время находились под запретом для изучения. Отсюда – дефицит отечественных исследований, который компенсируется западными публикациями [Д. Вайсс, 2000; Х. Гюнтер, 2000; Е. Добренко, 1997; К. Clark, 1978; Ш. Плагенборг, 2000; Ш. Фитцпатрик, 2001; О. Хорхордн, 2001, 2002]. Процесс складывания психологии читателя представляет

собой арену для различных социокультурных практик, в том числе и политических.

Цель исследования – изучить значение библиопсихологии в формировании отечественного психологического знания о чтении и читателе 20-30-х годов XX века; описать взаимосвязь и механизмы преемственности между библиопсихологической концепцией и библиотечной психологией; конструирование рубакинской полинаррадигмы.

Основные задачи исследования.

Источниковедческие:

1. Определить и расширить источниковедческую базу по истории библиопсихологии.

Теоретические:

2. Установить значение личности Н. А. Рубакина для развития библиопсихологических идей.

3. Внедрить подходы социальной истории науки в исследование библиопсихологического направления.

4. Сконструировать наррадигматическую модель для описания авторского научного знания.

Эмпирические:

5. Рассмотреть структурно-динамические характеристики знания о народном читателе в дореволюционный период.

6. Описать библиотечную психологию как политико-идеологический феномен.

7. Охарактеризовать работу механизмов знания-власти в пространстве психологии читателя и чтения в 20-30-е годы.

Теоретические и методологические предпосылки исследования.

Специфика междисциплинарного исследования приводит к необходимости совмещать различные подходы и методологические концепты. Воссоздание внешней истории библиопсихологии производится с помощью дискурсивных практик и социокультурной реконструкции [I. Parker, K.Gergen,

2002; О. Хорхордин, 2001], практики самоидентификации и субъектообразования с помощью книги описаны в работах [Т. R. Sarbin, 1986]. Основные компоненты психокультурной регуляции поведения рассматриваются на основе нарративно-дискурсивного анализа [R. Harre, Cr.Gillett, 1994; 2000]. Для выявления специфических черт советской письменной культуры использованы методы «археологии текста» и «проблематизации истории» М.Фуко [1996]. Механизмы взаимодействия научного и политического дискурсов описаны в контексте фукианской модели знания-власти. Анализ читательской рецепции и практик взаимодействия с книжно-письменными артефактами производился на основе теории рецептивной эстетики, представленной в работах [Х. Яусса, 1982; В. Изера, 1997; Р. Барони, 2004].

Методологическим базисом данной диссертации выступает концепция наррадигмы, модель которой разработана В. А. Шкуратовым [В. А. Шкуратов, 1994]. Наррадигма структурируется опосредованно на основе динамической трансформации письменной ментальности, проходя основные фазы развития. Для анализа темпоральной структуры рубакинской наррадигмы привлечена классификация хронотипов Д. Вилкокса [D. Wilcox, 1987].

Предмет исследования – роль библиопсихологической концепции Н. А. Рубакина в развитии отечественной психологии чтения и читателя 20-30-х годов.

Объектом исследования выступали материалы, содержащие элементы психологического знания по истории психологии чтения и читателя. По структурно-содержательному компоненту все источники были разделены на две большие группы: 1) работы исследовательского характера психологии чтения и читателя (характеристика внутренней истории науки); 2) государственные постановления и свод журнальных статей дореволюционного и постреволюционного этапов для описания внешней истории науки.

Методы исследования: основным методом исследования выступает практика «историзирующего чтения» в разработках Ла Капра [D. La Capra, 1998], Х. Уайта [Х. Уайт, 2002], А. Эткинда [А. Эткинд, 1999, 2001]. Данный

подход позволяет разграничить внешнюю и внутреннюю истории науки. Применены источниковедческий, нарративный и дискурсивный анализы текстов.

Гипотезы исследования:

1. Знание о народном читателе и его психологии складывались под влиянием просветительского движения со второй половины XIX века.
2. Указанный цикл может быть описан как рубакинская наррадиigma.
3. Советская библиотечная психология входит в рубакинскую наррадиigma, поскольку продолжает идею о примате читателя в культурном процессе.
4. Социокультурный механизм «власть – знание» определяет содержание и структуру категорий чтение и читатель. История библиопсихологической науки отражает зигзаги политической игры власти.

Положения, выносимые на защиту:

1. Библиопсихологическая концепция Н. А. Рубакина есть завершение наррадиigmального цикла русской просветительской культуры в качестве ее человековедческой фазы.
2. Личность Н. А. Рубакина (эпоним) является центрообразующим звеном первой и второй рубакинских наррадиigm.
3. Содержанием библиопсихологического развития в 1920-30-х годов, является взаимодействие двух наррадиigm: первой рубакинской в ее человековедческой фазе и второй рубакинской в ее апокрифической фазе.
4. Социополитический фон библиотечной психологии 1920-30-х годов размывает и фрагментирует научную концепции Рубакина, переводя наррадиigma в апокрифическую фазу.

Научная новизна исследования. Работа представляет собой одну из первых попыток описания внешней истории науки на материале библиологической психологии Н. А. Рубакина и библиотечной психологии 1920-30-х годов. Исследование направлено на изучение политических, социокультурных основ психологического знания на базе исторических источников. Работа

призвана обратить внимание ученых на внешнюю историю научного знания, выявить глубокую взаимосвязь между наукой и практиками государственной власти.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Работа направлена на восстановление целостной картины развития библиопсихологии и библиотечной психологии, которая не сформировалась из-за запрета на изучение и исследование в данной сфере знания в советскую эпоху. Диссертационное исследование имеет междисциплинарный характер, поэтому может быть использовано при чтении курсов истории психологии, исторической психологии, библиотековедения, а также – в педагогических разработках.

Апробация работы. Материалы исследования были представлены на Неделях науки Ростовском государственном университете (Ростов-на-Дону, 2003, 2004); на международных рабочих семинарах по исторической психологии (Краснодар, 2003, 2004), и на ежегодной конференции «Провинциальная ментальность России» (Самара, 2004). Обсуждение работ проходило на методологических семинарах под руководством В. А. Шкуратова.

Публикации. По теме диссертационного исследования опубликовано 3 статьи; общим объемом в 0,82 усл. печ. листа.

Структура диссертации: Диссертация состоит из введения, трех глав заключения, содержащего выводы, библиографии и приложения. Текст диссертации содержит 190 страниц (167 страниц основного текста, 5 таблиц и 4 рисунка). В библиографию включено 194 источника.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследуемой проблемы; определяются цели и задачи исследования, описываются предмет и объект, раскрываются методологические и теоретические предпосылки работы; формулируются гипотезы и положения, выносимые на защиту; показаны новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации.

В первой главе «Библиопсихология и библиотечная психология как объект историко-психологического исследования» очерчено поле исследования. Представлен историографический обзор и определены основные понятия, используемые в работе, проведен анализ теоретических подходов и эмпирических исследований, описывающих внешнюю историю науки.

В первом параграфе «Изучение истории библиопсихологии и библиотечной психологии в контексте развития психологии письменной культуры» рассмотрены работы, дающие общую картину библиопсихологии на сегодняшний день.

Историко-психологическая литература по рубакинской библиопсихологии и советской библиотечной психологии 1920-30-х годов невелика. Единственное монографическое исследование, предмет которого совпадает с темой данной диссертации, принадлежит К. И. Воробьевой [К. И. Воробьева, 1996]. Между тем, отечественная и зарубежная библиография о Рубакине насчитывает сотни названий. В ряде статей библиопсихология затрагивается в связи с библиотечной классификацией книг, работой с читателем [Е. Арефьева, 1963, 1966; К. Мавричева, 1957; А. Черняк, 1962]; в контексте культурной истории [Б. Банк, 1969; Л. Бунова, 2003; А. Мальгин, 2002; Г. Фонотов, 1998]; педагогики, образования и самообразования [А. Айзенберг, 1986, 1987; И. Переверзев, 1962]; развития психологической науки [А. Леонтьев, 1977; В. Кольцова, 2000], в связи с жизнью Рубакина [Везирова, 1978; Т. Крук, 1962; А. Рубакин, 1957, 1967]; междисциплинарными связями библиопсихологии и ее значением [В. Беспалов, 1999; Ю. Сорокин, 1968]. Анализ рассмотренных работ свидетельствует, что историко-психологических исследований среди этих публикаций нет. Динамика исследовательских работ отличается нестабильным, скачкообразным характером, что говорит о наличии внешних причин повлиявших на развитие научного знания.

Во втором параграфе «Источники к изучению истории библиопсихологии и библиотечной психологии» описываются основные группы источ-

ников, по теме исследования, выявляется их специфика. Описаны следующие группы документов: 1) литературные журналы 60- 90-х годов XIX века («Отечественные записки», «Русская школа», «Русская мысль»); 2) работы народников прикладного характера в сфере читательских интересов простого читателя; 3) научные сочинения и исследования отечественных психологов, повлиявшие на процесс формирования психологии чтения, и работы Н. А.Рубакина, посвященные библиопсихологической концепции; 4) свод государственных документов по библиотечному делу за 1917-1932 годы, а также – сочинения партийных руководителей, библиотечных работников этого периода; 5) материалы журнала «Красный библиотекарь» за 1923-1933 годы.

В третьем параграфе «Теоретические основы исследования» представлены центральные определения, выбранные для анализа истории библиопсихологической концепции, психологии чтения и психологии читателя. Описываются основные теоретические подходы к изучению научного знания в современных гуманитарных исследованиях. Определение статуса науки принято в следующих эпистемологических ракурсах: 1. науки как социальной практики, работающей под контролем механизма знание – власть [М. Фуко, 1996 а; О. Хорхордин, 2001]; 2. науки как сложной двухкомпонентной модели внутренней и внешней истории [А. Эткинд, 2001; Е. Добренко, 1997]; 3. научного знания как авторского наррадигматического цикла [В. А. Шкуратов, 1991, 2002]. На пересечении этих компонентов формируется система координат, внутри которой мы рассматриваем историческое движение знания о психологии читателя и чтения. Очерчиваются хронологические рамки рубакинских циклов.

Во второй главе «Первая рубакинская наррадигма и библиопсихологическое учение Н. А. Рубакина» описывается зарождение и оформление социального знания о психологии народного читателя, которое представлено в виде наррадигматического цикла на дореволюционном социокультурном «фоне» и биография Н. А. Рубакина. Детально проанализирован процесс перехода от социального знания к библиопсихологической научной концепции.

Рассмотрены научные аспекты развития библиопсихологического знания в советском письменном пространстве 1920-х годов.

В первом параграфе «Первая рубакинская наррадигма» на основании научно-публицистических работ русской интеллигенции [Н. Г. Чернышевский, 1951; Ф. М. Достоевский, 1978, 1979; В. И. Даль, 1856; Л. Н. Толстой, 1983] выявляются основные дискурсивные параметры (народность, литературоцентричность), на фоне которых, происходит оформление представлений о психологии народного читателя. Определяются специфические черты новой эстетико-литературной доктрины, в которой центральное место занимает читатель. Описываются основные этапы функционирования читательской наррадигмы как рассказа о народе-читателе. Дореволюционная читательская наррадигма проходит фазы развития от первых проектов (апокриф), до момента становления научного психологического знания (человековедение). Подчеркивается, что доминирующее положение на протяжении обоих наррадигматических циклов занимает знание о народном читателе, сформированное под воздействием государственной образовательной доктрины и народных представлений. В сфере знания о народном читателе и чтении выдвигаются не только просвещенческие доктрины, но и происходит накопление эмпирического материала [Х. Д. Алчевская, 1889, 1906; С. А. Раппорт, 1913; Н. А. Рубакин, 1905, 1912].

Библиопсихологическая теория Н. А. Рубакина рассматривается нами как заключительный момент в развитии нарратива о народе-читателе в форме научно-экспериментального направления в контексте психологии чтения и читателя. Рубакинская библиопсихологическая теория соответствует фазе человекознания.

Во втором параграфе «Личность Н. А. Рубакина. Рубакин как эпоним читательской наррадигмы в России» приведена биография Н. А. Рубакина, выделены ключевые события его жизни. В социокультурных условиях конца XIX – начала XX вв. личность исследователя наделяется харизматическими ролями (писателя, просветителя, ученого),

его фигура выдвигается на первый план, формируя авторское научное знание о читателе (в форме первой наррадигмы). Дальнейшее развитие учения о народе-читателе разворачивается в пространстве советской письменной культуры (в форме второй рубакинской наррадигмы). Личность Н. А. Рубакина как ее эпоним соорганизует читательскую наррадигму, придавая ей дискурсивный характер.

Проведен анализ биографических текстов о Рубакине, принадлежащих современным авторам [Т. Крук, 1962; К. Мавричева, 1957; А. Рубакин, 1967]. Проанализирована концепция биографического текста А. Рубакина. Текст представляет собой наиболее полную биографию и один из моментов восстановления значения Н. А. Рубакина в контексте советской письменной культуры. Подобная смысловая нагрузка текста сформирована под давлением соцреалистического кано́на.

В третьем параграфе «Учение и метод Н. А. Рубакина как человековедческая фаза наррадигмы» описаны основные структурно-содержательные компоненты библиопсихологической «фигуры» как научно-психологического направления, ее теоретико-методологический базис, центральные категории, теоретическое значение и практическое применение, по мысли автора. Рубакин выводит два определения библиопсихологии. Комплексная библиопсихология рассматривается ученым как абстрактный концепт рубакинской теории и изображается им как теоретическая, описательная наука. В ее структуру входят библиотековедение, психология, нейрофизиология, лингвистика, социология. Библиопсихология в узком значении изображалась Рубакиным как отдельное научное направление – психология читателя и книги. Это экспериментальное исследование отдельных читателей определяется как прикладная отрасль. Прикладная библиопсихология представляет собой цель библиопсихологического знания. Комплексная библиопсихология характеризуется двумя основными признаками: родовым (психология) и видовым (книжное дело). Родовой

признак показывает, что данное научное направление прочно стоит на экспериментальном методе исследования. Видовой признак характеризуется как проявление всех психических процессов людей, вовлеченных в производство, передачу и потребление книжных ценностей в связке книга-читатель. Опираясь на учение И. П. Павлова и В. М. Бехтерева об условных и безусловных рефлексах, Н. А. Рубакин определяет книгу, текст, (слово устное или письменное) как раздражитель. Таким образом, книга выступает как элемент психологического процесса. Фигура читателя в концепции Рубакина базисная, читатель определяет содержание книги (опосредованно через саморефлексию и идентификацию, через выстраивание текстуальных смыслов и перенос содержания книги в «себя»). Письменная культура (книги, литература, искусство) может развиваться или раскрывать себя только с помощью читателя, активизируя динамику текстуальных смыслов. Комплексная библиопсихология была призвана раскрыть механизмы функционирования антропокультурного пространства скриптосферы.

Основная задача библиопсихологической концепции – найти для каждого отдельного читателя, наиболее эффективные способы общения с книгой позволяющие развивать мыслительную деятельность, усваивать научные знания, развивать в себе способность к самовоспитанию и самообразованию в интересах коллектива.

Для обоснования теоретического ядра библиопсихологической концепции Н. А. Рубакин использовал психофизиологические законы Р. Семона и И. Тэна, описывающие функционирование природной клеточной памяти – мнемы, характеристики которой влияют на процесс чтения и развитие читательских способностей; и лингвистический закон В. Гумбольдта – А. Потебни, обосновывающий положение о том, что слово, речь, текст есть раздражитель и возбудитель переживаний, а не их переносчик.

Другим компонентом прикладной библиопсихологии является чтение как психический процесс. Анализируя внутреннюю структуру чтения, Н. А. Рубакин выделяет в нем три основные ступени: вербальную, интервербальную

и суправербальную. Практики (ступени) прочтения являются основополагающими характеристиками читателя, отражением его психических переживаний на сознательном и бессознательном уровнях.

Библиопсихологическая концепция Н. А. Рубакина является научным психологическим знанием, о чем свидетельствуют следующие положения: а) обоснование психологической науки в качестве базисной категории библиопсихологической концепции; б) введение Н. А. Рубакиным новых экспериментальных методов обследования читателя; в) оформление на основе библиопсихологической теории новой научной антропокультурной картины мира (идея скриптосферы). Мы рассматриваем ее как научную трансформацию предыдущих этапов деятельности Н. А. Рубакина, соответствующую движению представлений о читателе и чтении в России второй половины XIX – начала XX веков.

В четвертом параграфе «Основные научно-теоретические и научно-прикладные подходы в советской библиотечной психологии 1920 - 30-х годов» рассматривается процесс становления психологического знания о читателе и чтении (библиопсихологии) в пространстве советской культуры. В контексте отечественной психологии читателя и чтения оформляются научно-синтетические учения, характеризующиеся различным модусом по отношению к власти. Мы свели их в четыре основные группы, идентифицируя через связку знание-власть.

1. Странники позитивистского, немарксистского подхода [В. М. Бехтерев, 1921, 1923; Н. А. Рубакин, 1975; А. П. Нечаев, 1922; М. Н. Куфаев, 1980; И. Арямов, 1926]. **В рамках советского научного пространства данная группа квалифицируется как аполитичная.**

2. Последователи реактологического направления [К. Н. Корнилов, 1925; Я. В. Ривлин, 1924; Я. Шафир, 1926], предпринявшие попытку синтезировать объективную психологию и учение марксизма. **В реактологической теории объективная психология занимает соподчиненную с идеологическими**

конструктами марксизма позицию. Исследовательская наука, в этом случае, существует под политическим прикрытием.

3. Представители авангардно-революционного течения, основные строители советской научной мифологемы [В. Невский, 1923, 1924, 1925; П. Гуров, 1924, 1930; А. Залкинд, 1999]. Наиболее выразительной чертой творчества авангардистов является механическое соединение объективной психологии, идеологии марксизма, библиопсихологических идей Рубакина и психоанализа. **Проекты авангардистов сочетают в себе идеи высшего партруководства и авангардистский эксперимент.** Авангардно-революционное течение знаменует собой переход от научного психологического знания к социополитическим практикам в сфере психологии чтения и читателя.

4. К четвёртому направлению мы относим практических работников Наркомпроса и психотехников [А. Гайворовский, 1928; И. Шпильрейн, 1930]. Для них наука является социальной практикой по заказу власти, и имеет только прикладной характер. **Сторонники третьей и четвертой группировок являются главными разоблачителями библиопсихологических идей Н. А. Рубакина.**

В третьей главе «Социополитический фон библиотечной психологии и вторая рубакинская парадигма» анализируется социополитическая динамика библиотечной психологии, выявлены основные течения, составившие общий фон библиотековедческой и библиопсихологической работы 20-30-х годов. Эмпирический анализ журнала «Красный библиотекарь» позволил рассмотреть процесс формовки «научно-политического» знания, механизмов внедрения политико-авангардистского проекта в социальную сферу. Заключительный параграф освещает дискурсное, социальное прочтение текстуального рубакинского слоя, представленного в форме второй рубакинской парадигмы.

В первом параграфе «Социополитический фон советской библиотечной психологии 1920-30-х годов» (мифотворческий и профанный уровни советской реальности) определяется общий фон развития библиотечной

психологии. Вычлняются основные внутренние течения, которые образуют собой два социальных уровня советской реальности: профанный – практический, представленный «культурнической работой» среднего партийного звена и библиотечных работников [Н. К. Крупская, 1929, 1956; А. А. Покровский, 1923; Л. Б. Хавкина, 1928] и мифотворческий, представленный авангардистскими проектами [В. А. Невского, 1925, 1929].

Профанный уровень характеризуется отсутствием единства теории и методов, разными конфигурациями политических платформ в библиотечном движении и политико-идеологической конъюнктурностью. Сакральный уровень представлен каноническими текстами и указаниями, единственным центростремительным взглядом И. В. Сталина, основное содержание которых – создание социально полезного человека. Движение в этих двух плоскостях и составило социально-политическую историю библиотечной психологии.

Во втором параграфе «Основные этапы библиотечной психологии 1920- 30-е гг. на материале журнала «Красный Библиотекарь»» на основе эмпирических данных рассматриваются основные этапы социально-политической практики в общем поле библиотечной психологии. Трансформации журнального массива соответствуют волнам государственно-политической конъюнктуры, формирующей основы внешней истории отечественной психологии читателя и чтения 20-30-х годов.

Анализ материала позволил нам выделить три ключевых этапа развития «внешней истории» библиотечной психологии в 20- 30-е годы.

Первый этап (1923-1929 годы) характеризуется активным внедрением швейцарско-американского опыта в библиотековедческую и библиопсихологическую работу, созданием государственных структур для обследования читательских интересов (комиссия 1922 года, анализ читательских интересов в армии). Попытка внедрения научных подходов в сферу библиотечной психологии. Основные акценты направлены на анализ читательских интересов и читательской психологии [П. Гуров, 1924; Л. Коган, 1927; Е. Хлебцевич, 1924, 1924 а]. Советская библиотека ассоциируется с научно-

исследовательским центром. Преобладает генеральная установка на читательский интерес как основу советской литературно-письменной культуры.

Второй этап (1929-1931 годы) совпадает с началом активизации программы строительства социализма (индустриализация, коллективизация, культурная революция). Вводятся социокультурные фигуры «читателя-критика» и «читателя-автора технической литературы». Цель – поднять уровень грамотности среди рабочих и крестьян. Чтение-сочинительство мыслится как форма обучения без отрыва от производства. На обыденном уровне циркулировал миф о рабочем читателе – авторе, создающем новую советскую литературу. Другим определяющим явлением второго этапа выступает очищение научного пространства от буржуазных теорий, смена руководящих библиотечных кадров и отказ от библиопсихологических идей, внедряемых библиотечной психологией. Происходит критический разгром сторонников и последователей Н. А. Рубакина. Полное табу на имя и идеи Н. А. Рубакина держится несколько лет. Библиотека приобретает статус прикладного учреждения, удовлетворяющего запросы социалистического строительства.

Третий этап (1931-1933 годы) – заключительный. В результате дискуссий психологическое знание о читателе было вытеснено из социальной реальности, как и политико-авангардистский эксперимент [В. Невский, 1923, 1924,] по созданию коллективных читателей-авторов и читателей-критиков. В период с 1931 по 1933 годы происходит окончательное становление советского литературно-письменного канона, основной фигурой которого выступает «писатель Сталин».

В третьем параграфе «Вторая рубакинская наррадиigma» описаны основные этапы социального прочтения рубакинских текстов в советский период. Практики прочтения носят дискурсивный циклический характер, тем самым порождая новые нарративы о Н. А. Рубакине, и продолжают рубакинскую наррадигму. Циклический характер наррадигмы определен влиянием политической конъюнктуры и матрицами письменного советского канона. Присутствие письменного канона в текстах рубакинского гипертекста также

56950-50

подтверждается через структуры социального времени (хронотипы). Цитаты вождей наделены абсолютным временем, поэтому они задают определенную иерархичность в развитии рубакинского гипертекста.

Наличие письменных матриц объясняет присутствие белых пятен, неточных оценок как в биографии ученого, так и его деятельности. Встраивание матриц в ментальный слой научного пространства подтверждается их воспроизводством на протяжении нескольких десятков лет.

В заключении подводятся итоги исследования, констатируется, что полученные данные подтверждают выдвинутые гипотезы, приводятся основные **выводы**, обосновывающие положения, выносимые на защиту.

1. В исследовании подтвердилось, что в дореволюционный период (во второй половине XIX века) представления об образе читателя и его психологии складывались как один из компонентов народнической мысли. Формирование истории развития читателя и его психологии происходило на пересечении двух дискурсивных параметров той эпохи: литературоцентризма и популизма. Знание имело очертание и динамику первой рубакинской наррадигмы. История развития читателя определяется нами как рассказ о народе-читателе. Рубакинская наррадигма вырастает из народнических представлений о примате народного (коллективного) творчества над авторским, которые помещены в контекст литературного просветительства. Народ-творец при этом отождествляется с читателем-писателем, а вся культура становится аналогом книги.

2. На основании исследования подтвердилась гипотеза о том, что содержанием библиопсихологического развития в 1920-30-х годы, является взаимодействие двух наррадигм: первой рубакинской в ее человековедческой фазе и второй рубакинской в ее апокрифической фазе.

2.1. Первая и вторая рубакинские наррадигмы в своем развитии формируют целостное поле психологии чтения и читателя, на котором в советский период возникнет целый спектр научно-исследовательских конструктов и социальных явлений, носящих авангардистский прикладной характер.

2.2. Советская библиотечная психология является продолжением первой рубакинской наррадигмы, дошедшей до своей человеческой фазы. Её содержание – переосмысление народнического нарратива о народе-читателе в формах, соответствовавших марксистско-ленинской доктрине о руководящей роли партии в пересоздании народной по основе культуры.

2.3. Библиотечная психология упростила теорию Н. А. Рубакина, вычленив из нее только примитивные прикладные компоненты. Библиотечная психология рассматривалась советским руководством в качестве политического инструмента по «формовке» человека нового вида.

3. Подтвердилось положение о том, что библиопсихологическая концепция Н. А. Рубакина есть завершение наррадигмального цикла русского дореволюционного знания о читателе и чтении в качестве ее человековедческой фазы. Факт перехода к научно-экспериментальному знанию достаточно четко фиксируется а) наличием новых экспериментальных методов обследования читателя, разработанных Н. А. Рубакиным; б) введением психологической науки в качестве базисной категории библиопсихологической концепции; в) оформлении на основе библиопсихологической теории новой научной антропокультурной картины мира (идея скриптосферы).

4. Эмпирическое исследование подтверждает положение о том, что личность Н. А. Рубакина (эпоним) является центрообразующим звеном первой и второй рубакинской наррадигм. Концентрация основных концептов психологии чтения как дореволюционного так и постреволюционного периодов вокруг фигуры Н. А. Рубакина позволяет определить эту нарративную совокупность как рубакинский текстуальный слой. Личность Н. А. Рубакина является маркирующей в социальном пространстве психологии чтения и читателя на протяжении советского этапа науки.

5. Знание о народе – читателе, его психологии выступает как социальный маркер в системе установок знания-власти, определяет ее динамику и содержание. Социополитический фон библиотечной психологии 20-30-х годов XX века представляет собой фрагментацию «фигуры» рубакинской теории в ходе

эволюции (новых научных направлений), а также под действием политических практик (оформление дуалистической схемы внедрения научного знания).

Целостная картина воссоздания рубакинской библиопсихологии и библиотечной психологии возможна при синтетическом подходе, включающем в себя научные концепты и социополитический контекст их развития. Такое сочетание позволяет уловить сложное и противоречивое движение науки.

В заключении предлагаются **рекомендации** по практическому использованию материалов диссертации и рассматриваются перспективы дальнейшего исследования данной темы. В качестве приоритетного направления дальнейшего исследования предполагается изучение социальной истории отечественной психологической науки и отдельных научных школ.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. Затолока (Казанцева) Е. В. Библиопсихология в истории отечественной психологической науки: гипотезы и источники // Психологические свойства современного исторического знания (Материалы II международного рабочего семинара по исторической психологии) Краснодар.: Изд-во КубГУ, 2003. с. 350-352.

2. Казанцева Е. В. «Библиопсихология XXI век: актуальность и новые тенденции» // Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг. Сб. научных трудов. Выпуск 4, Часть 1, Том 1. Ростов-на-Дону.: Изд-во РИСЮРГУЭС. 2005. с. 79-82.

3. Казанцева Е. В. Новая попытка прочтения советской письменной ментальности на основе изучения II рубакинской наррадигмы // Труды аспирантов и соискателей Ростовского государственного университета. Том XI. Ростов-на-Дону.: Изд-во РГУ, 2005. с. 138-140.

Печать цифровая. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Формат 60x84/16. Объем 1,0 уч.-изд.-л.

Заказ № 821. Тираж 100 экз.

Отпечатано в КМЦ «КОПИЦЕНТР»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Суворова, 19, тел. 247-34-88
